

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣдніе годы—годы исключительныхъ побѣдъ декаданса. Эстетизмъ, демонизмъ и порнографія прочно утвердились въ журналистикѣ и широкой струей ворвались въ художественную литературу. И хотя, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ критиковъ, искусство уже перестало быть трибуной декаданса, хотя его звѣзды уже нѣсколько потускнѣли, смятеніе, вызванное имъ, еще не улеглось, и недавно только мы были свидѣтелями безкровной жертвы, принесенной на его алтарь*).

И не смотря на это, каннибальскій пиръ „расцвѣтающей плоти“ идетъ къ концу. Приспѣло время бросить ретроспективный взглядъ на то, что еще вчера представлялось такимъ жгучимъ и злободневнымъ и что еще сегодня волнуетъ, хотя и не въ такой сильной степени, умы. Пора связать въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя проявленія декаданса и указать на вѣрстившую его почву.

Предлагаемая книга—попытка бросить ретроспективный взглядъ на одно изъ яркихъ проявленій декаданса—на порнографію. Работа, къ сожалѣнію, лишена того спо-

*) Мы говоримъ о переходѣ „Образованія“ въ руки эстетовъ и порнографовъ.

койствія, того отсутствія субъективнаго отношенія, которыя обыкновенно сопутствуютъ подобнымъ обзорамъ литературныхъ исканій и настроеній. Это объясняется тѣмъ, что книга писалась въ тотъ періодъ, когда порнографія была въ зенитѣ своего развитія и своихъ наиболѣе значительныхъ побѣдъ.

Въ основу книги положены публичныя лекціи, читанныя еще осенью 1907 года. Закончена она въ апрѣлѣ и дополнена въ концѣ 1908 года.

Продолженіемъ ея служить книга „О модернистской поэзіи“, которая готовится авторомъ къ печати.

Глава первая.

Волна порнографіи въ современной литературѣ.—Порнографіи и литературныя традиціи.—Отношеніе журналистики и русской критики къ порнографическому элементу.—XVIII вѣкъ.—Сумароковъ, Херасковъ, Новиковъ.—Предисловія къ романамъ XVIII столѣтія.

Еще недавно на улицѣ порнографіи былъ праздникъ. Грязныя ея волны поднимались на поверхности русской литературы и грозили замутиль ея чистыя воды. Съ этимъ фактомъ можно было мириться или не мириться, можно было его прिवѣтствовать или бороться съ нимъ, но не признать его не было возможности. Такъ онъ билъ въ глаза своей рѣзкостью. Еще недавно ютившаяся на задворкахъ русской печати, совершенно забытая критикой, прятая отъ свѣта, идолъ маленькой кучки сытой молодежи и жаждущихъ острыхъ ощущеній стариковъ, звѣзда порнографіи высоко поднялась на чистомъ горизонтѣ русской литературы. Въ ея лучахъ начали тонуть настоящія звѣзды русскаго слова. Критика ея занималась, а вниманіе читающей публики росло съ каждымъ днемъ.

Причины этого усиленнаго вниманія далеко не такъ просты, какъ это намъ кажется съ перваго взгляда. Объяснить его силою художественныхъ талантовъ писателей, давшихъ мѣсто въ своихъ произведеніяхъ порнографическому элементу—едва-ли возможно. Изъ сонма этихъ писателей можно остановиться на нѣсколькихъ именахъ, далеко однако не обладающихъ блестящими художественными дарованіями. Имена эти не приковывали значительнаго

вниманія до тѣхъ поръ, пока порнографическій элементъ не ворвался въ ихъ произведенія и не придалъ имъ свособразной окраски.

Если-бы еще эти произведенія были осложнены богатствомъ идей или широкимъ соціологическимъ обобщеніемъ. Но съ этой стороны произведенія Арцыбашева, Кузмина, Каменскаго, Зиновьевой, Сологуба, Сергѣева-Ценскаго на фонѣ русской художественной литературы, давшей столько грандіозныхъ картинъ русской жизни и посѣившихъ столько смѣлыхъ идей, представляютъ блѣдныя пятна, совершенно неаппѣтныя точки въ блестящемъ хороеводѣ звѣздъ.

И тѣмъ не менѣе на улицѣ порнографіи былъ праздникъ. Пусть художественныя кисти писателей, давшихъ у себя пріютъ порнографическому элементу, блѣдны, они все же художники слова. Пусть имена этихъ писателей не велики, они все-жъ дали проникнуть порнографіи въ святую святыхъ русской жизни—въ художественную литературу. Пусть произведенія ихъ не богаты идеями, они все же приковывали къ себѣ вниманіе и читателя и критики...

Порнографическій элементъ въ русской художественной литературѣ тѣмъ болѣе рѣжетъ глазъ исследователю, что проникновеніе его идетъ вразрѣзъ со всеми литературными традиціями и взглядами журналистики на этотъ элементъ.

И дѣйствительно, будущій историкъ русской критики и журналистики отиѣтитъ трогательную черту, проходящую красной нитью черезъ всю ихъ исторію. Это—страстное стремленіе поднять русскую литературу на степень самаго важнаго фактора жизни, это стремленіе превратить литературу въ проповѣдническую трибуну, а рядомъ съ этимъ—стремленіе оберечь ее отъ плѣнны словеснаго блуда, отъ пополазованіи на нее всего, что-бы свело ее съ высокаго пьедестала и заставило-бы служить низменнымъ инстинктамъ человѣка. Съ первымъ же дыханіемъ русской критики начинается это любовное обереганіе литературы отъ всего наноснаго, отъ всего нечистаго, что могло-бы загрязнить высокое ея значеніе и наложить на нее хотя-бы одно пятнышко. Обереганіе это проходитъ черезъ всю исторію русской критики. Стремленіе это до сихъ поръ живуче и такъ рѣзко сейчасъ проявляется въ

ожесточенномъ походѣ противъ новой волны порнографіи, послѣ революціонной бури грязной тиной всплывшей наверхъ со дна жизни. Но съ наименьшимъ ожесточеніемъ эта война велась и на зарѣ русской литературы, когда тьму русской жизни впервые прорѣзали ея лучи и впервые встревожили покой ночныхъ хищниковъ.

Порнографическій элементъ, какъ это мы увидимъ ниже, раньше всего проникъ въ повѣсть или романъ, какъ переводный, такъ и оригинальный. И характерно, что съ первымъ же росткомъ, пущеннымъ русской критикой, элементъ этотъ отмѣчается, какъ вредный, позорщій русскую литературу. Съ первымъ же актомъ самосознанія русскіе писатели возводятъ литературу на высоту фактора, могуче вліяющаго на жизнь, на ея мілнннй и внутренній бытъ, на ея нравы. И вотъ почему первые—въ большинствѣ случаевъ безымянные критики—возстаютъ противъ порнографическаго элемента въ романѣ во имя цѣломудрія нравовъ. Это, конечно, младенческая точка зрѣнія, но она не постоянна, и мы встрѣтимся позже съ другими, открывающими болѣе широкія перспективы.

Какъ только печатный романъ съ порнографическимъ элементомъ начинаетъ появляться на книжномъ рынкѣ, противъ него сейчасъ же подымается голосъ русской критики ¹⁾. Въ 1759 году Сумароковъ рѣзко и опредѣленно высказывается противъ чтенія такихъ романовъ. „Пользы отъ нихъ, писалъ онъ, мало, а вреда много. Говорить о нихъ, что они умѣряютъ скуку и сокращаютъ время, т. е. вѣкъ нашъ, который и такъ коротокъ. Чтеніе романовъ не можетъ называться препровожденіемъ времени: оно погубленіе времени. Романы, писанные невѣждами, читателей научаютъ притворному и безобразному складу и отподять отъ семейственнаго. Ежели кто скажетъ, что романы служатъ къ утѣшенію неученымъ людямъ для того, что другія книги имъ непонятны,—это неправда, ибо и самой высочайшей математики основанія повятно написать

¹⁾ В. Сиповскій насчитываетъ за промежутокъ съ 1730 года (время появленія первыхъ печатныхъ романовъ) по 1758 годъ всего 10 книгъ; въ 1759 году напечатаны еще 21 романъ. См. „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти“, стр. 1—3.

удобно, хотя и подлинно, что книгъ таковыхъ мало видно. Однако, много еще книгъ и романовъ осталось, которые вразумительны и самымъ неученымъ людямъ. Довольно того чѣмъ и просвѣщаясь можно препровождать время, хотя бы мы и тысячи лѣтъ на свѣтѣ жили" ¹⁾). Сумароковъ осуждаетъ при этомъ не все романы, такъ какъ выдѣляетъ „Телемака, Доннишота и еще малое число достойныхъ романовъ“.

Съ негодующей ироніей и другой извѣстный писатель того же періода М. Херасковъ въ журналѣ „Полезное увеселеніе“ за 1760 г. отмѣчаетъ: „Романы для того читаются, чтобы искусно любиться и часто отиѣчаютъ красными знаками нѣжныя самыя рѣчи... а книги, до наукъ касающіяся, читаютъ не для любовныхъ изрѣченій“ ²⁾). Тотъ же Херасковъ въ статьѣ „Путешествіе разума“ („Полезное увеселеніе“ 1760 г.), высмѣивалъ порнографическіе романы, восклицаетъ: „О бѣдныя сочиненія! Стоите ли вы того, чтобы вамъ въ свѣтѣ занимать мѣсто? Обезобразили вы природу, обезславили разумъ, и недостойны того, чтобы въ крайней гибели вашей какой нибудь умный человѣкъ взглянулъ на васъ: вы есть ничто сами собой, но то, что отъ васъ происходитъ есть вредъ“.

Новиковъ въ своемъ „Трутнѣ“ подсмѣивается надъ тѣми же романами. „Простѣ, воспитанъ худо, въ юныхъ лѣтахъ онъ читалъ премножество романовъ“. („Трутень“, изд. 1765 г.). Та же война ведется всеми передовыми журналами второй половины XVIII столѣтія ³⁾).

Этотъ взглядъ на романы съ порнографическимъ элементомъ (рыцарскіе, авантюрные) не составляетъ достоянія однихъ свѣтилъ литературы XVIII столѣтія. Не трудно уловить эту протестующую нотку въ писаніяхъ рядовыхъ

¹⁾ „Трудолюбивая Пчела“ 1759 г., июнь, стр. 374—375, цитир. у Бѣлозерской: „В. Т. Нарѣжный“, стр. 29.

²⁾ Цит. у Бѣлозерской, стр. 102—103.

³⁾ См. „Адресалъ Почты“ 1769 г. Письмо 33. „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“ 1781 г., ч. XIII. „Не узнаешь гдѣ найдешь, гдѣ потерлешь“. „Живописецъ“ 1772 г., гдѣ Новиковъ протестуетъ противъ пошлыхъ романовъ. „Зритель“ 1792 г., ч. III. „Бесѣда Гражд.“ 1789 г., ч. I. „Бредни празднаго падапта“. Нов. „Трудолюбецъ“ 1784 г., ч. I.

словесности. Въ предисловіи къ роману Прево д'Ескиля „Философъ Англіійскій“ (1760) переводчикъ С. Порошинъ въ предисловіи между прочимъ пишетъ: „Сія сочиненія (романы) такое несчастіе во дни наши постигло, что многіе не токмо никакой пользѣ отъ оныхъ быть не надѣются, но еще къ поврежденію нравовъ служащими ихъ почитаютъ. Къ излишней такой ревности поддало случай умножившееся нынѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ число романовъ, въ которыхъ конечно болѣе худыхъ и вельпыхъ нежели хорошихъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, съ коимъ они выдуманы, согласныхъ“. И переводчику приходится отмѣтить переведенный имъ романъ, какъ произведеніе „разумно писанное“ въ отличіе отъ другихъ „безвкусныхъ и развращенныхъ“ ¹⁾. Переводчикъ другого романа „Жизнь Маріанны“ де-Мсриво (1762 г.) въ предисловіи негодуетъ на тѣхъ читателей, которые охотнѣе „читаютъ и требуютъ не иначе чего въ похожденияхъ, какъ только однихъ любовныхъ“ (похождения эти обыкновенно составляли порнографическій элементъ въ романахъ и, по крайней мѣрѣ, безъ него не обходились).

Этотъ протестъ попадаетъ и позже въ самый разгулъ фаворитизма екатерининскаго періода. Переводчикъ книги Римера „Театръ свѣта“ (1782 г.) въ предисловіи предостерегаетъ „отцовъ и матерей, надзирателей и надзирательницъ, пекущихся безпрестанно о своихъ дѣтяхъ или воспитанникахъ“ отъ чтенія романовъ, которые изображаютъ однѣ человѣческія слабости, „разгорячая“ этимъ мысли и портя нравы ²⁾.

Переводчикъ цѣлой серіи книгъ подъ названіемъ „Библіотека нѣмецкихъ романовъ“ (1780 г.) Левшинъ въ предисловіи рѣзко нападаетъ на порнографическій элементъ въ рыцарскихъ романахъ. Романы эти въ частности „Амандиса“ представляютъ „позорную“ книгу. „Оную многіе любящіе чтеніе и между женскимъ поломъ имѣютъ, которое ни одной изъ нихъ еще не исправило, но многихъ поощрило къ непристойной дерзости, представляя взорамъ при-

¹⁾ См. В. Сиповскій „Издъ исторіи романа“, стр. 162.

²⁾ Тамъ же, стр. 181.

ключеніи, кои и безстыднѣйшіе въ подсолнечной исполнить ужаснутел¹⁾.

Переводчикъ романа „Памела“ (1796 г.) жалуется на „развратительныя пошлости, которые ни къ чему не служатъ, какъ къ развращенію сердца и ко внушенію юношеству волокитства и любви къ непозволительнымъ удовольствіямъ“²⁾.

Такихъ цитатъ, свидѣтельствующихъ о рѣзкомъ и опредѣленномъ теченіи въ русской критикѣ XVIII столѣтія противъ порнографическаго элемента, можно было привести безчисленное множество³⁾. Къ сожалѣнію, трогательная эта особенность русской критики не замѣчена до сихъ поръ ея историками. Въ единственно цѣльной и интересной работѣ въ этой области, эта черта даже не отмѣчена. Коснувшись характерныхъ особенностей нашей критики младенческаго періода, г. Ивановъ опредѣляетъ ея содержаніе, какъ стиллистическо-схоластическое. Родоначальники нашей критики, если вѣрить г. Иванову, главнымъ образомъ препирались изъ-за языка и грамматики⁴⁾. „Старая критика, пишетъ онъ, борется за чистоту русскаго языка противъ галломаніи русскихъ французовъ. Ведется отчаянная война противъ барбаризмовъ, солецизмовъ, противъ насилія надъ смысломъ во имя ризмы. Жаркіи распри вызываютъ вопросы о знакахъ препинанія, о буклѣ „и“ во множественномъ числѣ“⁵⁾. Правда, авторъ оговаривается, что „литературными и эстетическими темами не ограничивались первые критики“ и что они углубили критику стремленіемъ отстоять національную индивидуальность, нравственную и умственную независимость“⁶⁾. Но на послѣд-

¹⁾ Тамъ же, стр. 177.

²⁾ Тамъ же, стр. 206.

³⁾ См. у В. Сиповскаго „Изъ исторіи романа“, предисловія переводчиковъ къ роману „Похожденія Кереля и Каллирои“, 1763 г., стр. 164, къ роману „Памела“, стр. 184, предисловіе автора къ роману „Похожденія Родрика Рондома“ стр. 186, пред. переводчика къ роману „Илархіа и Кратесь“ 1789 г., стр. 195.

⁴⁾ Ив. Ивановъ. Исторія русской критики. стр. 117.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 121, 124, 137.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 117. (Не упоминаетъ также объ этой трогательной чертѣ и другой историкъ нашей литературной критики П. Морозовъ. См. его статью „Изъ исторіи русской литературной критики“, „Образованіе“, 1907 г., кн. I—II.

немъ положеніи авторъ очень мало останавливается, не упоминая при этомъ ни однимъ словомъ объ этой характерной сторонѣ русской критики, которую она сохранила на всемъ протяжении своей исторіи.

Порнографія—слово опошленное. Имъ часто оперировали ханжи и лицеѣры, боявшіеся изображенія своей наготы и своихъ похожденій. Имъ часто попрекали тѣ, кто давалъ для порнографіи матеріалъ и сѣялъ въ жизни развратъ. Противниками порнографическаго элемента часто являлись литературные изуверы, фанатики старыхъ формъ, боявшіеся всякаго новшества, приверженцы закостенѣлыхъ литературныхъ формъ. Въ ихъ одеждѣ выступали узколюбые моралисты, нравственные брюзги, вооруженные пошлыми моральными трюизмами. Упреки въ порнографіи часто сыпались въ отвѣтъ на попытки проложить новыя идеи, на новыя и высокіе образцы литературы, на безпощадныхъ враговъ жизненной пошлости, на смѣлыхъ рыцарей правды, на безстрашныхъ аналитиковъ буржуазной жизни. И естественнымъ поэтому является вопросъ: не былъ ли протестъ на зарѣ русской литературы противъ порнографическаго элемента и порнографическихъ произведеній—проявленіемъ изуверства, страха жизни или фанатизма со стороны общества, недавно разставшагося съ аскетическими домостроевскими идеалами? Не было ли это противодѣйствіемъ бурному натиску новыхъ литературныхъ формъ и новой морали, свободной отъ аскетическихъ путъ? Словомъ, не было ли это борьбой стараго съ новымъ, отжившаго съ расцвѣтшимъ, трафарета съ новыми побѣгами?

На это едва ли возможенъ положительный отвѣтъ. Новыл изысканія по исторіи русской литературы изъ подъ мусора литературныхъ наслоеній, обломковъ и предразсудковъ извлекли на свѣтъ Божій первыхъ дѣятелей литературы. И реставрированные въ своемъ настоящемъ видѣ, въ той исторической обстановкѣ, при которой имъ приходилось работать, они всего менѣе оказываются старовѣрами. Это новаторы, воюющіе со стариной, сами пролагающіе новыя пути, сами пересеживающіе послѣдніе всходы западно-европейской литературы на нашу почву. Это всесторонніе труженники и часто таланты. Это въ одно и то же время ученые, журналисты, поэты, критики.

публицисты, строящіеся въ пустынь. Къ нимъ въ частности относятся Сумароковъ и Херасковъ, чьи презрительно негодующій отзывъ о порнографическихъ романахъ одного и добродушно-ироническій второго мы привели выше.

Что касается цѣлаго ряда цитатъ, приведенныхъ нами изъ предисловій къ романамъ, то интересно компетентное мнѣніе знатока литературы XVIII столѣтія о ихъ переводчикахъ. По мнѣнію г. Сиповскаго, „предисловія къ романамъ писались обыкновенно людьми, интересующимися исторіей и теоріей этого жанра, и при томъ въ тѣхъ случаяхъ, когда автору или переводчику хотѣлось выдѣлить данное произведение, подчеркнуть то „новое слово“, которое въ немъ сказано,—шаблонные романы въ предисловіяхъ не нуждались“¹⁾. Слѣдовательно приведенные нами въ цитатахъ протесты противъ порнографическаго элемента менѣе всего принадлежали людямъ старой закваски и старыхъ моральныхъ сентенцій.

Ближайшее знакомство съ исторіей русской критики обнаруживаетъ несомнѣнный фактъ, что обереганіе русской литературы отъ порнографіи начинается съ ея (критики) начала и что тѣ „развратительные“ повѣсти и романы, полные „похожденій“, чтеніе которыхъ есть „погубленіе“ времени и которые читаются для того, „чтобъ искуснѣе любиться“, дѣйствительно полны приключеній, отъ коихъ и „безстыднѣйшіе въ подсолнечной исполнить ужаснутся“ и дѣйствительно полны скабрезности.

¹⁾ В. Сиповскій. „Издъ исторіи романа“, стр. XI.